

Глава 121. Коварство

—

VII.

Гу Сьюань выпустил из рук тонкую, холодную как нефрит ладонь. Чтобы избежать неловкости, он отвернулся и сделал глоток остывшего чая с маленького столика, стоявшего рядом.

Се Чэньюнь с интересом наблюдал за ним, подперев щеку рукой.

Гу Сьюань нахмурился, поставил чашу и, подняв взгляд, спросил:

— Чэньюнь, хочешь выпить?

— ... — Се Чэньюнь.

«Хм, как быстро он пользуется случаем — уже называет меня просто по имени».

Если бы Гу Сьюань знал, о чем тот думает, он бы крайне удивился. Сейчас, когда тот вошел во дворец в женском платье, нельзя же называть его «брат Се». А обращение «любимая наложница», пожалуй, было бы хоть и логичным, но слишком уж фамильярным.

Проведя полдня во дворце Чусю, Се Чэньюнь действительно почувствовал жажду.

— Благодарю, Ваше Величество, — он протянул руку, собираясь взять чайник со стола.

Но Гу Сьюань уже сам наполнил чашу и подал её. Их пальцы соприкоснулись, как и края одежд.

Се Чэньюнь отдернул руку, подумав про себя: «Этот тиран и впрямь оправдывает славу несправимого сластолюбца. Только что сделал вид, будто благородно отпустил мою руку, и тут же воспользовался случаем, чтобы снова интимно коснуться меня при подаче чая».

Гу Сьюань тоже смотрел на Се Чэньюня.

Только когда их одежды соприкоснулись, он до конца осознал, что человек перед ним облачен в женский наряд.

Се Чэньюнь и без того обладал незаурядной внешностью, а сейчас, в алом дворцовом платье с широкими рукавами, он был ослепительно красив. Часть иссиня-черных волос была убрана в высокую прическу с золотыми шпильками, а часть аккуратно рассыпалась по плечам. Брови, подведенные сурьмой, напоминали очертания далеких гор, а алые капли румян на губах подчеркивали белизну кожи, подобную первому снегу. Его красота была такой, что грань между мужчиной и женщиной стиралась.

Глядя на него, Гу Сьюань вдруг понял, почему многие древние правители не делали различий между мужским и женским полом.

Се Чэньюнь заметил, что император уставился на него и даже не моргает.

В нем одновременно вспыхнули гнев и досада. Уголок его рта изогнулся в едва заметной, насмешливой улыбке:

— Ваше Величество, на что вы смотрите?

Гу Сьюань пришел в себя и спокойно ответил:

— На прекраснейшее зрелище в мире людей.

Это была чистая правда. Как человек с чувством прекрасного, он не вкладывал в эти слова никакого иного подтекста.

— ... — Се Чэньюнь.

«Настоящий искушенный обольститель. Такие слова у него слетают с языка сами собой».

Гу Сьюань принял серьезный вид и вернулся к прежней теме:

— Почему ты внезапно вернулся в Цзиньлин и вошел во дворец?

Се Чэньюнь отбросил лишние мысли и начал серьезно объяснять.

Месяц назад, когда он вместе с Се Минкуном вступил в секту Юйхо, благодаря чистому происхождению, вражде с Вэй Чжэнпином и высокому уровню мастерства, они сразу стали учениками «внутреннего круга».

Позже, во время выполнения одного из заданий секты, он случайно заслужил расположение главы, который взял его в личные ученики и передал ему тайную технику сердца — «Священный канон Нирваны».

А всего несколько дней назад...

Глава секты получил просьбу от клана Сун: воспользоваться отбором невест и отправить человека в императорский дворец, чтобы следить за действиями Вэй Чжэнпина и заодно разузнать, что представляет собой маленький император.

— То есть ты хочешь сказать, что секта Юйхо отправила тебя следить за мной? — Гу Сьюань на мгновение задумался.

Он машинально пропустил мимо ушей упоминание о Вэй Чжэньпине.

Как император, он понимал: сознание того, что кто-то хочет за тобой шпионить — неважно, из добрых побуждений или со злым умыслом — вещь крайне неприятная.

И впрямь говорят: «вольные воины силой попирают законы».

Заметив, что тиран нахмурился и выглядит недовольным, Се Чэньюнь приподнял бровь.

До этого император был в таком восторге — небось решил, что он вернулся специально ради него?

Помедлив, Се Чэньюнь кашлянул и добавил:

— Вообще-то, ваш покорный слуга сам вызвался прийти.

— Хм, — Гу Сьюань небрежно кивнул, не уловив скрытого смысла в этих словах.

Он подумал, что присутствие Се Чэньюня — это даже хорошо. Мир сейчас охвачен хаосом, и изменить страну в один миг невозможно, как невозможно сделать это в одиночку. Се Чэньюнь мог бы стать отличным помощником.

Се Чэньюнь посмотрел на него и сердито надул губы.

«Какой ненасытный парень. Я уже так объяснился, а ему всё мало».

Вэй Чжэнпин — один из трех великих мастеров уровня Сяньтянь в поднебесной, и шпионить за ним во дворце смертельно опасно. Изначально на эту роль планировали его вторую шицзе.

Но тогда он сам не понял, почему, словно ведомый какой-то неведомой силой, вызвался добровольцем.

После долгих раздумий глава секты всё же согласился.

Пусть он пробыл в секте недолго, он проявил невероятный талант в изучении «Канона Нирваны». Теперь среди молодых учеников секты даже Да-шисюн** мог биться с ним только на равных.

[*В контексте китайских новелл уся и сянься обращения шицзе и шисюн используются для обозначения старших «братьев» и «сестер» по учению. 師 (shī) — учитель, наставник; 兄 (xiōng) — старший брат; 姐 (jiě) — старшая сестра. Шисюн (师兄, Shīxiōng): обращение к мужчине-соученику, который начал обучение у того же мастера раньше вас. Шицзе (师姐, Shījiě): обращение к женщине-соученице, которая пришла в клан или к наставнику раньше вас. Да-шисюн (大师兄) — это самый старший ученик, первый последователь мастера]

Пока они вели беседу, императорский паланкин уже достиг подножия ступеней перед дворцом Циньчжэн.

Гу Сьюань, доигрывая роль до конца, протянул руку и помог Се Чэньюню сойти вниз.

Ван Тань, следовавший тенью, тут же осведомился:

— Ваше Величество, в каком дворце изволите поселить наложницу Се?

Гу Сьюань нахмурился. Учитывая, что в гареме еще оставались красавицы, доставшиеся «в наследство» от прежнего владельца тела, Се Чэньюню было бы неудобно жить среди женщин — как-никак, пол у них разный.

Оглядевшись, он произнес:

— Павильон Цинью, что рядом с дворцом Циньчжэн, сейчас пустует. Пусть там и располагается.

Ван Тань на мгновение остолбенел, но быстро ответил:

— Слушаюсь.

Павильон Цинью был лишь павильоном на возвышении, и его статус, разумеется, не шел ни в какое сравнение с положением хозяйки отдельного дворца в гареме.

Однако на это дело можно было взглянуть и иначе: Цинью находился совсем рядом с Его

Величием — буквально в паре шагов. В прошлую династию это место служило государю для отдыха и чтения книг в перерывах между государственными делами. Теперь же каждый раз, выходя из своего дворца, император неизбежно будет проходить мимо, а значит — ежедневно вспоминать о «наложнице Се». Это ли не величайшая милость?

Се Чэньюнь посмотрел на высокие летящие карнизы павильона Цинъю и бросил на Гу Сьюаня понимающий взгляд. «А этот тиран неплохо устроился — решил, что «с близкой башни и луну в озере видно раньше всего», надеется воспользоваться близостью, чтобы заполучить желаемое...»

Впрочем, сам он был не из тех, кого легко задеть.

— ... — Гу Сьюань.

Почему-то ему казалось, что взгляды окружающих становятся всё более странными. Неужели он единственный в этом мире живет в реальности, а не в параллельном измерении фантазий?

Он хотел было спросить об этом, но в этот момент Се Чэньюнь вскинул подбородок и одарил его дерзкой, свободной улыбкой. Затем, взмахнув широкими рукавами и заложив руки за спину, он неспешной, прогулочной походкой направился к главным воротам павильона Цинъю.

Ван Тань перевел взгляд с Гу Сьюаня на удаляющуюся спину Се Чэньюня. Взмахнув метелкой из конского волоса, он бросился вдогонку за фаворитом, заискивающе крича:

— Наложница Се, в павильоне Цинъю давно никто не жил, позвольте рабу распорядиться о переустройстве!

— ... — Гу Сьюань.

«Толстяк Ван, ты поистине человек, который умеет вовремя распознать, куда дует ветер».

Гу Сьюань покачал головой и вошел в свои покои. Сейчас его график был весьма плотным: утро — для государственных донесений, вторая половина дня и вечер — для тренировок. В конце концов, это был мир, где каждый второй — мастер боевых искусств.

Этим вечером Гу Сьюань официально приступил к изучению второго тома «Первозданного Искусства Неба и Земли». По сравнению с первым, он был куда сложнее, но и преимуществ давал значительно больше. Будь он на таком уровне месяц назад в поместье Се, те «посланницы небесного чертога» из внешнего зала получили бы достойный отпор, а Тан Шэн вряд ли смог бы так легко сбежать.

Тренировка — как учеба: время пролетает незаметно.

Когда он наконец поднялся, за окном уже догорал закат, окрашивая опавшие листья клена в багрянец. Гу Сьюань подошел к окну, чтобы подставить лицо свежему ветру. Подняв глаза, он наткнулся на вид соседнего павильона.

Се Чэньюнь уже распустил волосы, которые теперь свободно развевались на вечернем ветру. Он всё еще не сменил дворцовое платье и, пользуясь своей ловкостью, сидел босиком прямо на тонких перилах павильона Цинъю. Увидев императора, он едва заметно улыбнулся.

Хотя Цинъю называли «павильоном», это было довольно просторное четырехэтажное здание с обширным двором внизу, где росли две огромные старые магнолии. Сейчас была осень, и слуги

перенесли туда несколько огромных кадров с османтусом, аромат которого наполнял всё вокруг.

Глядя на беззаботный и вольный вид Се Чэньюня, Гу Сьюань поймал себя на мысли, что пейзаж там кажется куда приятнее, чем в его собственном дворце Циньчжэн.

В этот момент вошел Ван Тань. На его лице снова было то самое невыносимое выражение «хочу сказать, но боюсь».

Гу Сьюань нетерпеливо взглянул на него. За последнее время Ван Тань научился предугадывать мысли господина, поэтому сразу перешел к делу:

— Ваше Величество, сегодня первый день новой наложницы во дворце. Изволите ли вы вызвать красавицу Се для «согревания постели»?

— ... — Гу Сьюань на мгновение замолчал и махнул рукой: — Нет необходимости.

Ван Тань удивленно сощурил свои маленькие глазки. Неужели император всё еще хранит верность той «таинственной красавице»? Неужели он, Ван Тань, днем ошибся в чувствах государя?

Подумав так, он с глубоким чувством произнес:

— Что ж, это тоже верно. Вы поселили красавицу Се в павильоне Циньгу, и если та таинственная госпожа снова придет к вам ночью, её сердце может не выдержать такой обиды. Ваше Величество поступает мудро, решив сначала утешить прежнюю любовь, дабы в гневе она не навредила Драконьему плоду...

— ... — Гу Сьюань.

Он немедленно развернулся и зашагал к выходу, лишь бы не слышать больше ни слова из уст этого толстяка. Он деревянным голосом бросил на ходу:

— Я передумал. Пойду навещу красавицу Се.

В конце концов, оба мужчины. Поспят в одной комнате — и что с того? Никто ничего не потеряет.

Ван Тань на секунду оцепенел от такой переменчивости монарха, но быстро спохватился:

— Ваше Величество истинно мудр! Красавица Се только сегодня вошла во дворец, кругом всё чужое — наверняка на душе у неё неспокойно. То, что Ваше Величество не желает оставлять её в одиночестве до рассвета, доказывает, что вы — самый нежный и заботливый государь, обладающий истинно рыцарским сердцем.

Гу Сьюань: «...»

«В общем, у тебя на всё готов ответ. Не зря ты стал главным евнухом!»

Когда Гу Сьюань подошел к павильону Циньгу, Се Чэньюнь всё так же сидел на тонких перилах, покачивая босыми ногами. В его руке появилась чарка из синего фарфора. Завидев гостя, он понимающе улыбнулся.

«Так и знал, что этот тиран не вытерпит».

Еще из окон своего дворца Гу Сьюань заметил, как вольготно устроился этот парень. Подойдя к перилам, он тоже окинул взглядом окрестности с высоты.

Се Чэньюнь осушил чарку одним глотком и лениво прислонился к опорному столбу, с легкой улыбкой глядя на Гу Сьюаня.

Он хочет посмотреть, какие еще фокусы выкинет сегодня этот тиран.

Гу Сьюань привык игнорировать окружающих, но когда на него смотрят так пристально и в упор, это не доставляет удовольствия. Особенно когда этот «зритель» выглядит уж слишком довольным жизнью.

Император обернулся и, заложив руки за спину, непринужденно спросил:

— Чэньюнь, ты доволен этим местом?

— Весьма, — Се Чэньюнь кивнул и, немного помедлив, со значением добавил с улыбкой: — Отсюда до дворца Циньчжэн рукой подать.

Гу Сьюань кивнул и серьезно подтвердил:

— Хорошо, что ты понимаешь мой замысел.

Близость к дворцу Циньчжэн, с одной стороны, позволяла держаться подальше от гарема, а с другой — давала возможность удобнее следить за Вэй Чжэньпином.

— ... — Се Чэньюнь замер. Синий фарфоровый кубок выпал из его пальцев, не удержавшись.

Этот деспот вот так просто признался? Признался, что у него есть свои виды и тайные помыслы?

Гу Сьюань не понял внезапного замешательства Се Чэньюня, но это не помешало ему среагировать молниеносно: он поймал кубок на лету, не дав ему разбиться вдребезги, и мягко поставил на столик.

Легкий стук керамики о дерево привел Се Чэньюня в чувство.

Он моргнул, запоздало осознав, что в этом мимолетном движении Гу Сьюань невольно продемонстрировал незаурядное мастерство.

— Ты... ты действительно обучался боевым искусствам? — любопытствовал он. Его память была хороша, и он помнил слова, сказанные Гу Сьюанем месяц назад в поместье Се.

Гу Сьюань кивнул:

— Кое-чему научился.

Се Чэньюнь подпер щеку рукой:

— И кто же из великих наставников тебя учил? Я слышал, что в недрах дворца скрывается немало старых мастеров.

Гу Сьюань покачал головой:

— Учителя не было. Тренировался сам как мог. Начинать путь воина в такие годы — признаться, даже немного стыдно.

Се Чэньюнь моргнул, и вдруг в его сердце шевельнулось странное чувство.

Тогда он принял это за шутку или пустые слова, сказанные лишь для того, чтобы сблизиться с ним. Но он не ожидал, что этот тиран сдержит обещание. Более того, судя по скорости и ловкости его движений, прогресс был налицо.

— На самом деле, никогда не поздно начинать, — тихо произнес Се Чэньюнь, глядя на него. — Уверен, у тебя всё получится.

Гу Сьюань поднял глаза и мельком взглянул на него. В его голосе он уловил нотки сочувствия и поддержки. Хотя он не считал, что нуждается в ободрении (ведь не было дела, с которым бы он не справился), это не помешало ему выразить признательность.

Он наклонился, взял кувшин и наполнил два кубка. Подав один собеседнику, он произнес:

— Что ж, спасибо.

Это было османтусовое вино, приготовленное в самый сезон. Прозрачное и чистое, в синем фарфоре оно выглядело прекрасно, словно картина. На вкус оно оказалось свежим, кисло-сладким, с мягким и долгим послевкусием.

Свежий ветер и заходящее солнце были им спутниками.

Вдвоем они осушили целый кувшин.

Казалось, Се Чэньюнь захмелел.

Он прикрыл глаза, прислонившись к опорному столбу. Белоснежные босые ноги покоились на темных деревянных перилах, сияя подобно нефриту. Алое верхнее платье сползло до локтей, длинным шлейфом волочась по полу, а черные волосы рассыпались по плечам, развеваясь на ветру. Весь его облик излучал особую томность и негу.

Гу Сьюань же оставался совершенно трезв.

Он смотрел на Се Чэньюня и размышлял: «Интересно, в сознании ли он? Если уснет и свалится вниз, благодарность превратится в кровную вражду». К тому же осенний ветер был прохладен, и спать на нем долго — не к добру.

— Чэньюнь... — позвал он негромко.

Ответа не последовало.

Он позвал снова.

Тишина.

Теперь Гу Сьюань был уверен.

Он поднялся и направился к нему.

Пальцы Се Чэньюня, скрытые широким рукавом, невольно сжались.

«Ну точно, у него есть намерения».

Хотя он лежал с закрытыми глазами, он чувствовал на себе этот взгляд, который человек не в силах был отвести. «Ну вот, дождался. Столько выжидал, а как убедился, что я сплю — наконец-то решил действовать».

Се Чэньюнь подумал: «Хм, вот когда он полезет целоваться, я открою глаза и напугаю его до икоты».

Но в этот момент...

Он почувствовал тепло на талии и под коленями. Тело внезапно оторвалось от земли.

— ... — Се Чэньюнь.

«Не может быть. Этот тиран что, решил сразу перейти к финальному акту?»

Как это пугающе!

Несмотря на высокий рост Се Чэньюня, Гу Сьюань ощутил, что тот пугающе легок.

В этом было какое-то странное чувство узнаваемости, будто он держал его так уже тысячи раз. И странное удовлетворение, словно этому человеку и полагалось находиться в его руках.

— Хе... — Гу Сьюань тихо усмехнулся и покачал головой, отгоняя эти нелепые мысли. Он наклонился и бережно опустил ношу на кровать.

— ... — Се Чэньюнь сжал кулаки в рукавах еще крепче.

«Еще и смеется. Он смеется!»

Это что, торжество злодея, чей коварный план близок к завершению?

Ждать больше нельзя.

Се Чэньюнь резко распахнул глаза.

Гу Сьюань приподнял бровь:

— Я тебя разбудил?

— Угу, — Се Чэньюнь ответил нарочито громко.

В этот момент из внешней залы донеслись тихие шаги.

В проеме двери показалась круглая голова Ван Таня.

«Я ведь уже сделал так, как он хотел — пришел навестить красавицу Се, зачем он притащился следом?» — Гу Сьюань нахмурился, выпрямился и отошел от кровати. Сделав несколько шагов навстречу евнуху, он приглушенным голосом спросил:

— Что случилось?

Он не хотел, чтобы этот толстяк снова начал нести околесицу при свидетелях, заставляя его краснеть.

Ван Тань тоже виновато поморщился.

Он только что видел, как Его Величество поднялся от кровати — должно быть, он некстати прервал великое дело.

Гу Сьюань повторил вопрос:

— В чем дело?

Ван Тань громко отрапортовал:

— Ваше Величество, Лotosовый пруд уже приведен в порядок!

Теперь оставалось только заглаживать вину.

Лotosовый пруд был купальней в императорском дворце. Каждый раз перед первой ночью с новой фавориткой прежний владелец тела даровал право омовения в нем, чтобы устроить совместные «игры мандаринок в воде».

Гу Сьюань уже хотел было махнуть рукой и отказаться, как вдруг за спиной послышалось шуршание.

Се Чэньюнь босиком спустился с кровати и, пошатываясь, подошел к ним.

Гу Сьюаню показалось, что тот вот-вот упадет.

Се Чэньюнь посмотрел на протянутую ему руку и с легким смешком прислонился к императору.

Ван Тань, почувствовав от обоих отчетливый запах вина, с еще большим энтузиазмом предложил:

— Ваше Величество, госпожа, не желаете ли пройти к купальням, чтобы смыть хмель?

— ... — Се Чэньюнь вытаращил глаза на Гу Сьюаня.

«Ах ты, тиран, так у тебя всё было спланировано заранее!»

Гу Сьюань, видя этот пристальный взгляд, решил, что Се Чэньюнь хочет пойти и просто ждет его решения — совсем как бродячая собака, которая смотрит на еду в руках прохожего. Ему самому было всё равно, поэтому он кивнул:

— Выдвигаемся!

Ван Тань радостно убежал вперед.

Помня, что Се Чэньюнь выпил лишнего и может споткнуться, Гу Сьюань без лишних слов крепко взял его за предплечье и повел к выходу.

— ... — Се Чэньюнь, лишенный возможности отказаться.

«Этот деспот... Посмотрите, как он торопится».

Наконец-то он увидел его истинное лицо. Вся эта холодная величественность — лишь

прикрытие.

У самых дверей дворца Гу Сьюань что-то заметил. Он повернулся к спутнику:

— Подожди немного.

С этими словами он вернулся во внутренние покои.

Се Чэньюнь прислонился к стене, глядя ему в спину, и недобро прищурился.

«Этот тиран так спешил, а теперь вдруг вернулся... Неужели забыл какую-то «особо важную» вещь для своих грязных дел?»

Он слышал в книжках, что вельможи порой придумывают весьма извращенные забавы.

Пока он размышлял, высокая фигура вернулась, накрыв его своей тенью.

— ... — Се Чэньюнь невольно напрягся.

В следующий миг фигура опустилась перед ним на корточки.

Затем его ледяную щиколотку обдало жаром чужих ладоней, который невозможно было игнорировать.

Тук... — негромкий звук.

Гу Сьюань поставил на пол пару деревянных сандалий. Затем он осторожно взял Се Чэньюня за белоснежные ступни и помог ему обуться.

Закончив, он поднялся, снова взял его под руку и с бесстрастным лицом произнес:

— Готово. Идем!

— ... — Се Чэньюнь закусил губу. На его щеках, белых как снег, проступил алый румянец, будто хмель и впрямь ударил в голову.

Он шел за Гу Сьюанем, едва соображая, и прижимал руку к сердцу, которое билось всё быстрее.

«Этот тиран... какое же у него глубокое коварство!»

—

<http://bllate.org/book/14483/1281659>